

время богослужения исполняли гимны на местном языке, часто использовали национальные тексты, мелодию. В это время шествие напоминало какой-либо местный спектакль, настолько все было театрализовано, спонтанно, необычно. И, наконец, структура и организация церкви напоминала строго иерархичное военное общество, с разделением вождей по значимости и выполняемой должности.

Таким образом, следует отметить отсутствие доктринальных различий собственно христианских и местных африканских церквей, структура, идеология и практика которых представляли собой синтез элементов европейской, религиозной культуры и местных верований и традиций. Это и обусловило высокую эффективность деятельности афро-христианских церквей и их популярность среди африканцев.

Список литературы

1. Ajajj J. *Christian missions in Nigeria. 1841–1891. The making of a New elite* / J. Ajajj. – London : Longmans, Green and Co, 1965. – P. 317.
2. Ayandele E. *The Missionary Impact in Modern Nigeria. 1842–1914* / E. Ayandele. – London : Longman, 1966. – P. 369.
3. Ekechi F. *Tradition and transformation in Eastern Nigeria* / F. Ekechi. – London : Kent State Univ Pr, 1989. – P. 241.
4. Isichei E. *A History of Christianity in Africa* / E. Isichei. – Lawrenceville : Africa World Press Inc., 1995. – P. 146.
5. Isichei E. *Varieties of Christianity experience in Nigeria* / E. Isichei. – London : Macmillan, 1982. – P. 201.
6. Nwabara S. *Iboland: a century of contact with Britain 1860–1960* / S. Nwabara. – New York : Humanities Press, 1978. – P. 189.
7. Obichere B. *West African states and European expansion* / B. Obichere. – London : Yale University Press, 1971. – P. 79.
8. Peel J. D. Y. *Aladura: a religious movement among Yoruba* / J. D. Y. Peel. – London : Oxford University Press, 1968. – P. 199.
9. Sanneh L. *West African Christianity* / L. Sanneh. – London : C. Hursy & Company, 1983. – P. 245.
10. *The History of Christianity in West Africa* / ed. by O. Kalu. – London : Rex Collings, 1978. – P. 187.
11. Webster J. Independent Christians in Africa / J. Webster // *Tarikh*. – 1969. – Vol. 3. – № 1. – P. 132–145.
12. Webster J. *The African churches among the Yoruba. 1888–1922* / J. Webster. – Oxford : Clarendon Press, 1964. – P. 217.

РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТАТАРИИ

Корнилова Ирина Михайловна, доктор исторических наук, доцент

Калмыцкий государственный университет
358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: kaspregion@inbox.ru

Данная работа посвящена вопросам развития образования в Татарии и просвещения народов Поволжья. В ней освещены аспекты разностороннего влияния, происходившие не только в социально-экономической, но и в культурной жизни Поволжья.

Ключевые слова: народное образование, ликвидация безграмотности, высшее образование, университет, гимназия, наука.

THE DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION IN TATARIA

Kornilova Irina M., D.Sc. (History), Associate Professor

Kalmyk State University
11 Pushkin st., Elista, 358000, Republic of Kalmykia
E-mail: kaspregion@inbox.ru

The paper under consideration is devoted to the problems of higher education development in Tataria and education of the peoples of the Volga region. It covers different aspects of many-sided influence, which took place in social and economic as well as in cultural life of the Volga region.

Keywords: Public education, Illiteracy elimination, Higher education, University, Gymnasium, Science.

Становление и развитие просвещения и науки в многонациональном Поволжском крае происходило в тесной связи с общим ходом исторического развития России, претерпевшей серьезные изменения и остро нуждающейся в людях образованных, специально подготовленных для службы в различных сферах административной, дипломатической, военной и экономической жизни страны.

Географически многонациональный Поволжский край не был «белым пятном». Исторически он принадлежал к тем районам, которые отмечены зримыми следами высокой цивилизации и древней культуры. Однако, в социальном, экономическом, политическом и административном отношениях, не говоря уже о национальном и религиозном вопросах, Поволжский регион заключал в себе много трудных, но жизненно важных и потому требовавших скорого решения проблем.

По административно-территориальному делению, согласно указу Петра I, в 1708 г. была образована Казанская губерния. В ее состав вошли обширные территории Среднего и Нижнего Поволжья, а также Приуралья. В 1775 г. по новому административно-территориальному делению размеры Казанской губернии были ограничены. Практически на ее территории были созданы новые губернии: Симбирская, Самарская, Астраханская, Пермская [6, с. 12–13].

Поволжский край в XVIII – начале XIX в. являлся одним из самых многонаселенных районов страны, а по национальному составу был несравним ни с одним другим регионом тогдашней Российской империи: здесь проживало русское население наряду с татарским, чувашским, мордовским, марийским, удмуртским, башкирским, не считая еще множество других народностей и национальностей (армяне, грузины, евреи, калмыки, немцы и т.д.). К 1 января 1858 г. численность жителей Казанской губернии составляла 1,5 млн человек, из них 450000 татар, 615000 русских, 330000 чуваш, 85289 марийцев, 23697 мордвы и удмуртов [6, с. 16]. Основываясь на материалах всероссийской переписи 1897 г., можно заключить, что выявленное соотношение населения было характерным для всей второй половины XIX в. и более раннего времени, а именно: в Казанской губернии около 60 % населения составляли коренные народы края – татары (29,2 %), чувашаи (22,2 %), марийцы (5,7 %), мордва (1,1 %), удмурты (0,4 %) [6, с. 16].

В 1758 г. в Казане, в провинции, в многонациональном Поволжском крае, по инициативе и при участии Московского университета была открыта первая гимназия. Она рассматривалась университетом как составная часть самого университета, он оказал ей поначалу большую научно-методическую и материальную помощь и полностью руководил ее работой. В день открытия в гимназию было зачислено 14 гимназистов, через полгода их было уже 108 человек. Директором гимназии был назначен М.И. Веревкин, бывший профессор Московского университета. Казанская гимназия превращалась в культурный центр края, куда собирались представители всех слоев общества, где шло не только обучение, но и устраивались торжественные акты, собрания, театральные представления, ставились даже балеты [6, с. 36].

Казанский университет был создан в период либерального реформизма, которым хотел окрасить свое вступление на царский престол Александр I. Одной из таких реформ было создание в 1802 г. Министерства народного просвещения, которому поручалось обеспечить руководство учебными заведениями в стране, разбитыми на 6 учебных округов. Устав Казанского государственного университета был подписан 5 ноября 1804 г., открытие состоялось 14 февраля 1805 г. Его окончательное учреждение состоялось в 1814 г. [1, с. 26]. Студенческий контингент комплектовался в известной мере стихийно, без каких-либо определяемых заранее количественных границ. Ограничение шло по линии сословной принадлежности. Дворянско-сословный характер правительственной политики в области университетского образования осо-

бенно отчетливо проявлялся в так называемом «Николаевском» 1835 г. Уставе. Этот устав действовал вплоть до 1863 г., когда был принят новый.

Так сложилось, что в условиях царского режима немногочисленные в стране университеты являлись не только очагами образования, но и важнейшими центрами массово-пропагандистской и культурно-просветительской деятельности. В силу объективных обстоятельств они брали на себя благородную роль – просвещение народных масс. Это обстоятельство особенно важно в условиях многонационального Поволжского края, где Казанский университет вплоть до октября 1917 г. являлся единственным, и именно с деятельностью его лучших профессоров, преподавателей и студентов связаны яркие страницы борьбы за народное просвещение, образование и культуру. Казань была не только административным, но и крупным торгово-промышленным и культурным центром, а вся губерния считалась окраиной европейского мира.

Становление и развитие просвещения и науки в многонациональном Поволжском крае происходило в тесной взаимосвязи с общим ходом исторического развития России, претерпевшей серьезные изменения в течении XX в. и остро нуждавшейся в людях образованных, специально подготовленных для службы в различных сферах административной, дипломатической, военной и экономической жизни страны.

За прошедшие годы Татария из отраслевой в прошлом области Российской империи превратилась под руководством коммунистической партии, при помощи русского народа в передовую культурную республику в братской семье народов СССР, покрылась сетью школ, техникумов, вузов, культурно-просветительских учреждений. За эти годы получила широкое развитие национальная по форме, социалистическая по содержанию культура татарского народа.

По данным В.М. Горохова и Б.П. Рождественского, в Казанской губернии при царизме неграмотных было 87 %, в ряду других 50 губерний страны она по состоянию образованию занимало 44 место. Среднее и высшее образование было недоступно трудящимся и предназначалось для детей господствующих, имущих классов. Подавляющая часть студентов были дети дворян, буржуазии, буржуазной интеллигенции и духовенства. С 1804 по 1917 г. Казанский университет окончило всего 10 тыс. человек, из них только 17 татар [1, с. 57].

В деле дальнейшего подъема культурного уровня трудящихся была проделана большая работа по ликвидации неграмотности. За период 1920–1921 гг. грамотность населения повысилась и достигла 44 %. Хотя по сравнению с дореволюционным временем грамотность татарского населения возросла в 2 раза и составляла уже 38 %, тем не менее, впереди предстояла еще большая работа. В 1925 г. в республике было 699 школ по ликвидации неграмотности и малограмотности, в которых занималось 23232 человека [3, с. 24].

Перед новой властью встала сложнейшая задача: в кратчайшие сроки ликвидировать старую, буржуазную высшую школу и создать новую, на деле обеспечить возможность получения высшего образования трудящейся молодежью. Решать эту задачу пришлось в трудных условиях интервенции и гражданской войны, открытого саботажа или пассивной враждебности реакционной профессуры.

Ленинский декрет о приеме в высшие учебные заведения стал в Казани осуществляться сразу же после освобождения ее от белогвардейцев и интервентов. Прием студентов проводился до ноября 1918 г., было принято 4157 человек, из них на первый курс – 3744 человек [3, с. 103]. Такого огромного приема Казанский университет не знал со дня своего основания. Для того, чтобы действительно все желающие могли учиться в высших учебных заведениях, Наркомпрос постановил организовать двух или трехмесячную учебу с полным повторением всех лекций и занятий. Ленинский декрет подчеркивал, что «на первое место, безусловно, должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии» [5, с. 253–254]. К первой категории (получавших полную стипендию) были отнесены все посланцы фабрик, заводов, сельских коммун, а также инвалиды Красной Армии и Первой мировой войны из рабочих и

крестьян. В результате этой и других мер число рабоче-крестьянской молодежи в университете постепенно росло: если на 1 января 1918 г. она составляла всего 8,5 % от общего количества студентов, то в 1920 г. уже 33 % [3, с. 104].

И молодежь отвечала делом за заботу, более 1200 студентов медицинского факультета отправились работать на Восточный фронт, 606 – в распоряжение Главного санитарного управления [3, с. 104]. Студенты других факультетов активно участвовали в коммунистических субботниках, вели большую пропагандистскую работу среди красноармейцев и рабочих.

Ленинские декреты о высшей школе наносили решительный удар по кастовости высшей школы, способствовали демократизации профессорско-преподавательского состава. Ученые степени доктора и магистра были отменены. Отменялось также деление профессоров на заслуженных, одинарных, экстраординарных и звания адъютанта. Все лица, самостоятельно ведущие преподавания в университете, получали звание профессора. Приват-доценты, проработавшие ранее в этом звании более трех лет, переводились в профессора с 1 октября 1918 г., приват-доцентам, работавшим менее трех лет, а также ассистентам и лаборантам, ведущим занятия под руководством профессоров, присваивалось общее звание преподавателя.

9 октября 1918 г. был опубликован декрет, по которому профессора и преподаватели, которые «к 1 октября 1918 г. закончат в общей сложности 10 лет своей преподавательской деятельности» в данном вузе или «15 лет учено-учебной службы вообще...», «выбывают из состава профессоров или преподавателей» и «могут быть вновь избраны на освобожденную ими кафедру лишь по всероссийскому конкурсу» [2, с. 232].

Резко менялся социальный состав студенчества, особое внимание обращалось на организацию нового набора: в результате крепло ядро студентов из рабочих и крестьян, коммунистов и комсомольцев. Так, уже в 1923–1924 учебном году в университете из 2450 студентов рабочих было 277, крестьян – 839. Впервые в этом году заметное пополнение дал рабфак: 69 его питомцев поступило на медицинский и физико-математический факультет [4, с. 104].

Весной 1924 г. была проведена академическая проверка студентов, в результате чего университет освободился от враждебных Советской власти элементов и «мертвых душ»; всего было исключено 387 студентов (19 % всего состава), одновременно в Казань было переведено большое количество студентов из сокращаемой для качественного улучшения сети вузов страны: на физико-математический факультет – 179, на медицинский – 270 человек [4, с. 113].

Всего в Татарии в 1925 г. имелось 5 высших учебных заведений (4427 студентов). Выросло число студентов-татар. В 1925 г. в вузах Казани учился 531 человек, что составляло 11,5 % к общему числу студентов. С каждым годом увеличивался выпуск специалистов, так в 1925 г. окончил вузы 600 студентов.

Большое внимание уделялось рабочим факультетам, в 1925 г. на рабфаках Татарии училось 850 студентов из рабоче-крестьянской молодежи.

Но все это было лишь первым шагом в реализации решений ЦК ВКП (б). Необходимо было проведение большой подготовительной работы для дальнейшего расширения среднего и высшего профессионального образования как в Татарстане, так и в целом по стране.

Список литературы

1. Горохов В. М. Развитие народного образования в Татарской АССР / В. М. Горохов, Б. П. Рождественский. – Казань, 1958. – 228 с.
2. Директивы ЦК ВКП(б) и постановления советского правительства о народном образовании (1917–1947 гг.). – Москва – Ленинград, 1947. – 240 с.
3. Казанский университет 1804–1979 гг. Очерки истории. – Казань, 1979. – 244 с.
4. Катровский А. П. Формирование и развитие территориальной структуры высшего образования в России / А. П. Катровский. – Москва, 2003. – 198 с.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва, 1967. – Т. 40. – 258 с.
6. Михайлова С. М. Казанский университет и просвещение народов Поволжья и Приуралья (XIX в.) / С. М. Михайлова. – Казань, 1979. – 222 с.

References

1. Gorohov V.M., Rozhdestvenskij B.P. *Razvitie narodnogo obrazovanija v Tatarskoj ASSR* [Development of national education in the Tatar ASSR]. Kazan, 1958, 228 p.
2. *Direktivy CK VKP(b) i postanovlenija sovetского pravitel'stva o narodnom obrazovanii (1917–1947 gg.)* [Instructions of the Central Committee of VKP and resolutions of the Soviet government on national education (1917–1947)]. Moscow-Leningrad, 1947, 240 p.
3. *Kazanskij universitet 1804–1979 gg. Očerki istorii* [Kazan university of 1804–1979. History sketches]. Kazan, 1979, 244 p.
4. Katrovskij A.P. *Formirovanie i razvitie territorial'noj struktury vysshego obrazovanija v Rossii* [Formation and development of territorial structure of the higher education in Russia]. Moscow, 2003, 198 p.
5. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. Moscow, 1967, vol. 40, 258 p.
6. Mihajlova S.M. *Kazanskij universitet i prosvewenie narodov Povolzh'ja i Priural'ja (XIX v.)* [Kazan university and education of the peoples of the Volga region and Cisurals (XIX century)]. Kazan, 1979, 222 p.

СЛОЖНЫЕ СЕТИ И ДЕМОКРАТИЯ В РОССИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Сморгунов Леонид Владимирович, доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: lvs morgunov@gmail.com

В статье раскрываются особенности современного демократического процесса в России, связанного с протестными движениями последнего времени. Подчеркивается значение новой публичности, возникающей в условиях сложных социальных сетей, и характер политического влияния. Анализируются признаки сложных сетей и особенности сложного мышления. Выявляются трансформации современного государства в условиях кризиса традиционных форм легитимности власти и перехода к «акционной легитимности», повышения роли координирующей функции государства в публичном пространстве. Раскрывается лиминальность современной властной ситуации в России.

Ключевые слова: сложные сети, политический протест, сложное мышление, лиминальность властной ситуации.

COMPLEX NETWORKS AND DEMOCRACY IN RUSSIA: NEW POSSIBILITIES AND LIMITS

Smorgunov Leonid V., D.Sc. (Philosophy), Professor

Saint Petersburg State University
7–9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: lvs morgunov@gmail.com

The paper describes the features of the modern democratic process in Russia, associated with the protest movements of the recent time. The importance of the new publicity, arising in the context of complex social networks, and the nature of political influence are emphasized. The characteristics of complex networks, the features of a complex thought, the transformation of the modern state, the crisis of traditional forms of legitimacy and the transition to a "promotional legitimacy" are analyzed. The increase of the role of coordinating function of the state in a public space and the liminality of the current power situation in Russia are studied.

Keywords: Complex networks, Political protest, Complex thought, Liminality of power.

Российский политический процесс приобрел новое измерение со второй половины 2011 г., когда произошел явный раскол в политическом сознании и политических действиях в связи с предвыборной парламентской кампанией. Этот раскол углубился после выборов в Государственную думу и приобрел четкие очертания в ходе президентских выборов 2012 г. Хотя центром противостояния была фигура избранного на новый срок президентом В.В. Путина, а соответствующие идеологические противостояния включали в себя идеологемы «авторитаризм – демократия», «манipуляция – честность», «стабильность – развитие», «реставрация – революция», «закрытость – открытость» и т.д., тем не менее эти внешние и видимые очертания конфликтного противостояния скрывали за собой более глубокие процессы и разломы, которые сопровождают современное развитие не только в России. С одной стороны, это требование радикального расширения публичного пространства выработки и реализации государственных решений, сопровождающееся кризисом легитимности не только авторитаризма, но и демократической репрезентации. С другой стороны, это возникновение реальной угрозы для устойчивого развития современных политий, а, следовательно, поиск такого политического порядка, который бы обеспечивался не столько институциональной определенностью, сколько сопряженностью ответствен-